

Налдина Елена Игоревна

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ
ЭКСПЕРТА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ
И ПРОИЗВОДСТВЕ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Naldina Elena Igorevna

**REMEDIAL POWERS OF
THE EXPERT AT APPOINTMENT
AND EXAMINATION MANUFACTURE
ON MATERIALS OF
THE RUSSIAN CRIMINALLY
REMEDIAL LEGISLATION**

Аннотация:

Статья посвящена проблемам процессуальных полномочий эксперта в уголовно-процессуальной доктрине, вопросам практической реализации судебным экспертом его прав и обязанностей. Прослеживается развитие судебной экспертизы и прав и обязанностей эксперта в России на основе принципа историзма, а также предлагается расширить, уточнить и дополнить права и обязанности эксперта в современной уголовно-процессуальной доктрине и внести соответствующие изменения и дополнения в законодательство.

Ключевые слова:

уголовный процесс, эксперт, экспертиза, права и обязанности, микрообъекты.

Summary:

The article is devoted problems of remedial powers of the expert in the criminally-remedial doctrine, to questions of practical realization by the judicial expert of its rights and duties. Development of judicial examination and the rights and duties of the expert in Russia on the basis of a historicism principle is traced, and also it is offered to expand, specify and add the rights and duties of the expert in the modern criminally-remedial doctrine and to bring respective alterations and additions in the legislation.

Keywords:

criminal trial, the expert, examination, the rights and duties, microobjects.

Проблеме процессуальных полномочий эксперта в уголовно-процессуальной доктрине отводится важное место. При этом обычно исследуются два аспекта: 1) процессуальное положение эксперта среди других участников уголовного процесса и обоснование его самостоятельности как субъекта уголовного процесса; 2) права и обязанности эксперта при проведении исследования.

Тем не менее многие вопросы практической реализации судебным экспертом его прав и обязанностей остаются нерешенными до настоящего времени. К их числу, прежде всего, следует отнести определение достаточного объема процессуальных прав и обязанностей, законодательное урегулирование порядка их реализации; право на экспертную инициативу и пределы ее осуществления; гарантии независимости эксперта при производстве экспертизы.

Теория русского дореформенного процесса рассматривала экспертизу как непосредственный источник убеждения судьи, полагая даже, что мнение сведущих лиц вполне «заменяет мнение судьи или следователя, которые призывают их на помощь» [1]. В этом сказывалось решающее влияние всего строя розыскного процесса, основой которого была теория формальных доказательств.

Судебная реформа 1864 г., коренным образом изменившая судоустройство и судопроизводство в России, существенно изменила и процессуальное положение института судебной экспертизы. По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. эксперты должны были приглашаться в тех случаях, когда для точного уразумения встречающихся в деле обстоятельств необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии (ст. 112, 325 Устава уголовного судопроизводства) [2, с. 106]. Судебные органы могли привлекать в качестве экспертов: «врачей, фармацевтов, профессоров, учителей, техников, художников, ремесленников, казначеев и лиц, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особую опытность» (ст. 326 Устава уголовного судопроизводства) [2, с. 106]. Эксперты не могли избираться из лиц, участвующих в деле в качестве свидетелей, судей или присяжных заседателей (ст. 633 Устава уголовного судопроизводства), [2, с. 106] и определялись законом как лица, не заинтересованные в исходе дела.

Мнения и суждения экспертов должны быть объективными, эксперты должны «иметь все качества достоверных свидетелей» (ст. 328 Устава уголовного судопроизводства) [2, с. 106]. Эксперты производили исследование и представляли свои мнения и заключения по вопросам, предложенным следователем или судом. Закон открывал для экспертов возможность проявления инициативы, устанавливая, что эксперты «не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимания, но исследование коих может привести к открытию истины» (ст. 333 Устава уголовного судопроизводства) [2, с. 106].

В дореволюционной процессуальной доктрине России экспертов обозначали как пособников суда. При этом сама экспертиза, как и осмотр, рассматриваются как средства деятельности суда. Теория «эксперт — помощник суда» была воспринята из доктрины Германии. Ее отличительной чертой можно считать то обстоятельство, что эксперт рассматривался одновременно как судья факта. Эксперт, как и суд, решает имеющие значение для дела вопросы с той разницей, что эксперт делает это на основе специальных познаний. Решение суда становилось результатом деятельности не только суда, но и эксперта.

Первые советские Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 и 1923 гг. отказались от термина «сведущие лица» и приняли общепризнанный в юридической литературе термин «эксперт». Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР отказался от подробного перечисления категорий лиц, которых можно приглашать в качестве экспертов, как это делал Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Эксперт был наделен правами, оговоренными более подробно, нежели в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.: с разрешения следователя знакомиться с обстоятельствами дела, знание которых ему необходимо для дачи заключения, составлять при определенных условиях акт о невозможности дать заключение, присутствовать в зале суда, право на возмещение понесенных расходов и вознаграждение за выполнение своих обязанностей и др. Но при этом из закона исчезло, в частности, право эксперта на инициативные действия.

По действующему уголовно-процессуальному законодательству России эксперт — самостоятельный участник уголовного процесса, обладающий собственным объемом процессуальных обязанностей и прав, которые отличают его от иных участников, в том числе следователей и специалистов. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не допускает смешения процессуальных функций различными участниками процесса — это вытекает из требований уголовно-процессуальной нормы.

В современной уголовно-процессуальной доктрине России статус эксперта предопределен тем, что его относят к участникам уголовного процесса, содействующим осуществлению правосудия. Отличительным признаком таких субъектов является их незаинтересованность в исходе дела. Самостоятельность положения эксперта среди других участников уголовного процесса, содействующих осуществлению правосудия, обусловлена его обязанностью предоставления суду источника доказательства — заключения эксперта, а также особой процессуальной формой реализации данной обязанности.

Статус эксперта в уголовном процессе описывается законом через определение его процессуальных прав и обязанностей. Обратим внимание на редакционную формулировку ст. 82 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. «Обязанности и права эксперта» — тогда на первый план были вынесены именно обязанности. Тем самым подчеркивалось, что статус эксперта подчинен цели процесса. Поскольку эксперт в уголовном деле не участвует, личным интересом в исходе дела не обладает, то и участие в уголовном процессе для него — это обязанность дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам.

В настоящее время обязанности эксперта, как и права, установлены уголовно-процессуальным законодательством РФ, в частности, Федеральным законом Российской Федерации «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. [3]. В нем указывается, что эксперт обязан:

принять к производству порученную ему судебную экспертизу при отсутствии оснований для отвода;

провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;

составить мотивированное сообщение о невозможности дать заключение и направить его в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу, если: а) поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта; б) представленные объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для дачи заключения и не могут быть дополнены; в) современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы;

не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы или которые могут нанести ущерб конституционным правам граждан, а также сведения, составляющие тайну, охраняемую законом;

обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела [3, ст. 16].

Мы считаем, что данную статью необходимо дополнить пунктом следующего содержания: п. 6 — «заявить о наличии предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации оснований для своего отвода в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу, либо руководителю соответствующего государственного судебно-экспертного учреждения».

Ни в новом УПК РФ, ни в Федеральном Законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» не упоминается о самоотводе эксперта. В Законе перечисляются только случаи, в которых суд, дознаватель, следователь или прокурор принимают решение об отводе эксперта (ст. 61 УПК РФ). Проанализировав данную норму, можно сделать вывод, что эксперт обязан заявить самоотвод по тем основаниям, которые перечислены в ст. 61 УПК РФ.

Права эксперта имеют свою специфику, отличаясь от прав других участников уголовного процесса, и в частности, от прав специалиста. Тем самым подчеркивается специфичность задач, решаемых экспертами по уголовному делу. Нормы УПК РФ предоставляют эксперту следующие права:

- знакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы;
- заявлять ходатайство о представлении дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечения к производству судебной экспертизы других экспертов;
- с разрешения лица, ведущего дознание, следователя, прокурора или суда участвовать в процессуальных действиях в целях выяснения вопросов, относящихся к предмету экспертизы;
- давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе и по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права;
- отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения [3, ст. 17; 4, ст. 57].

Право определения предмета специального исследования принадлежит лицу, назначающему экспертизу. Но ч. 2 ст. 204 УПК РФ предоставляет эксперту возможность инициативных действий: «Если при производстве экспертизы эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе указать на них в своем заключении». Необходимо отметить, что проявление такой инициативы – это право, а не обязанность эксперта.

Право на инициативные действия, несомненно, занимает важное место в системе прав эксперта и отвечает интересам правосудия, но, как и всякое право, оно остается чисто декларативным, если закон не предусмотрит мер реализации этого права, если ему не будут соответствовать чьи-то обязанности по реализации инициативных предложений эксперта. Однако, ни УПК РСФСР 1960 г., ни вновь принятый УПК РФ не устанавливают подобных обязанностей ни для органа, назначившего экспертизу, ни для кого-либо еще. Закон не предусматривает и обеспечение условий для проявлений экспертной инициативы, удовлетворения связанных с нею ходатайств эксперта, пределов экспертной инициативы и т.д.

Ст. 57 УПК РФ дает эксперту право возбуждать ходатайство о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи полного заключения.

По закону собирание и представление материалов для экспертизы возложено на лицо, назначившее экспертизу, а их специальное исследование — на эксперта. Функции собирания материалов для экспертизы и экспертного исследования строго разграничены. Совмещение их в одном лице закон не допускает.

При недостаточности поступивших материалов эксперт не имеет права обращаться к гражданам, в организации, учреждения, располагающие необходимыми материалами. Эксперт вправе лишь обратиться к органу дознания, следователю, суду с ходатайством о предоставлении ему требующихся материалов.

Право эксперта знакомиться с материалами дела также не получило общепризнанного толкования в юридической литературе. В уголовно-процессуальной доктрине традиционно полагается, что эксперт может знакомиться лишь с теми материалами, которые относятся к предмету экспертизы и необходимы для исследования (но не со всеми).

При производстве экспертизы процессуальный статус эксперта определяется не только совокупностью его прав и обязанностей, но также законодательно установленным порядком и гарантиями их реализации.

В ранее действовавшем УПК РСФСР 1960 г. был закреплен принудительный принцип отношений эксперта с органами, назначающими экспертизу: эксперт не мог отказаться от производства порученной ему экспертизы под угрозой уголовной ответственности. Данная норма об уголовной ответственности эксперта за отказ от производства экспертизы исключена из состава преступлений новым Уголовным кодексом РФ, действующим с 1997 г.

В п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ впервые указывается, что эксперт вправе «отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения».

Мы хотим остановиться еще на одной проблеме, решения которой требует следственная, судебная и экспертная практика. Речь идет о праве эксперта в некоторых случаях на собирание доказательств. Типичной для этой проблемы служит ситуация с исследованием микрообъектов.

По существующей практике следователь (суд), обоснованно предполагая, что на тех или иных предметах имеются микрообъекты, взаимное наложение которых является следствием их контактного взаимодействия, назначает экспертизу, требуя от эксперта ответа на вопрос: имеются ли на представленных для исследования предметах микрообъекты, микроналожения? Выполняя задание следователя, эксперт производит анализ представленных предметов и при обнаружении микрообъектов фиксирует этот факт в своем заключении. Обнаруженные микрообъекты, приобретающие значение вещественных доказательств, подвергаются дальнейшему экспертному исследованию для решения других вопросов экспертного задания. Таким образом, эксперт фактически собирает (обнаруживает, фиксирует, изымает) доказательства, на что по букве закона у него нет права.

На подобные действия эксперта, выходящие явно за пределы его компетенции, следователь и суд не обращают должного внимания, игнорируя явное нарушение закона. До последнего времени в процессуальной доктрине на этот вопрос не обращалось внимания. Лишь в конце 80-х гг. к решению этой проблемы обращался проф. Л.В. Веницкий [5, ст. 64–65].

По его мнению, осмотр предметов – вероятных носителей микрообъектов – должен производиться по месту их обнаружения, как правило, при осмотре места происшествия, с участием специалиста. Микрообъекты, которые по своим характеристикам могут быть обнаружены и индивидуализированы в ходе такого осмотра, подробно описываются в протоколе осмотра места происшествия и впоследствии приобщаются к делу в качестве вещественных доказательств. Те же микрообъекты, которые не могут быть обнаружены при осмотре места происшествия, но наличие которых обоснованно предполагается, обнаруживаются на предметах – носителях в лабораторных условиях в ходе дополнительного осмотра следователем с обязательным участием специалиста, именно следователь составляет протокол об их обнаружении, в котором фиксируются их индивидуализирующие признаки.

Предложенное Л.В. Веницким решение действительно соответствует действующему законодательству и исключает его нарушение. К сожалению, рекомендации Л.В. Веницкого не получили реализации в следственной практике, которая, как и ранее, идет по пути поручения экспертам решения задачи обнаружения микрообъектов.

На основании изложенного выше мы полагаем, что законом эксперту должно предоставляться право собирать доказательства в некоторых, специально оговоренных случаях, таких как при исследовании предметов – возможных носителей микрообъектов – и при производстве некоторых видов экспертиз, в частности, судебно-медицинского исследования трупа и живых лиц. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 17 о правах эксперта Федерального Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.01 следующим положением: «Эксперт вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования в некоторых специально оговоренных в законе случаях». Этими случаями, по нашему мнению, могут являться:

при исследовании предметов – возможных носителей микрообъектов – эксперт вправе самостоятельно изымать обнаруженные им микрообъекты;

при проведении судебно-медицинского исследования трупа и живых лиц эксперт вправе изымать объекты, которые, не относясь к объектам данного исследования, могут иметь значение по уголовному делу и впоследствии стать источником доказательства;

при проведении иных видов экспертиз, когда эксперт обнаруживает объекты, не относящиеся к объектам проводимой им экспертизы, он также вправе их изъять.

Эти положения необходимы, чтобы избежать потери времени на направление запросов следователю, прокурору, судье, получение их разрешения на изъятие обнаруженных объектов, так как не изъятые вовремя эти объекты могут быть утеряны или умышленно уничтожены.

Ссылки:

1. Арсеньев В.Д. Процессуальный статус субъектов экспертизы по уголовным делам // Процессуальные аспекты судебной экспертизы: сб. науч. трудов ВНИИСЭ. М., 1986.
2. Цит. по: Зуева А.Л. Методические и процессуальные аспекты криминалистической экспертизы материалов веществ и изделий из них: дисс.... к.ю.н. Кисловодск, 2002.
3. Федеральный Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001г. №196-ФЗ.
4. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года. № 174-ФЗ.

5. Винницкий Л.В. Осмотр места происшествия: организационные, процессуальные и тактические вопросы. Караганда, 1986.

References:

1. Arsenyev V.D. Procedural status of the subjects of examination in criminal cases // Procedural aspects of forensics: scientific works VNIISE. M., 1986.
2. Quoted by: Zuev A.L. Methodological and procedural aspects of forensic material substances and their products: diss Ph.D. Kislovodsk, 2002.
3. Federal Law "On state forensic activities in the Russian Federation" dated May 31, 2001. Number 196-FZ.
4. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001. Number 174-FZ.
5. Vinnitskiy L.V. Inspection of the scene: the organizational, procedural and tactical issues. Karaganda, 1986.